

Нечеловек

Не ищи себе лишних забот

Во дворе Цзи Лююнь виновато озирался по сторонам; на его макушке красовалась свежая шишка — так бесславно закатилась звезда великого поэта.

Ему велели стоять у стены, и он слушался, паинькой застыв на месте. Однако, осознав, что всё ещё может оставаться рядом с Гу Цянем, он то и дело не выдерживал и тихонько прыскал от смеха.

Чэнь Буцы тем временем изучал старинные артефакты, выпавшие из нефрита. В руках он вертел круглый прибор, напоминающий карманные часы. Это был новейший инструмент оценки. Он умел проецировать историческую информацию о предмете в виде объёмных изображений, анализировать его возраст и состав, а порой даже выхватывал из прошлого тени прежних владельцев и обрывки событий.

Мастерам единения и гармонии часто приходилось распутывать клубки паранормальных явлений и несправедливых обвинений, чтобы утихомирить чужую обиду, и подобные артефакты, позволяющие докопаться до самой сути, значительно облегчали им жизнь.

Внимание Гу Цяня, впрочем, отвлекла Майба. Обычно наглая и задиристая, сегодня журавлиха вела себя из рук вон странно: стоило ей завидеть Цзи Лююня, как она тут же трусливо ретировалась, не решаясь подойти ближе.

Наконец над «часами» замерцали призрачные образы, и юноша сосредоточился на них. Прерывистая проекция, зависшая в воздухе, обрисовывала места, где когда-то бывали эти вещицы.

Роскошные стеллажи в богатых домах, уставленные парчовыми ларцами, мгновенно сменялись уединёнными горными монастырями, где слышалось эхо буддийских песнопений. Но следом за ними внезапно вспыхивало багровое зарево, и в воздухе проносились тени клинков, лязгающих в пылу яростных сражений.

Тусклые, потрёпанные временем кадры мелькали перед глазами, разыгрывая беспорядочную драму длиной в тысячи лет. Сцены эти настолько не вязались друг с другом, что со стороны казались нелепой постановкой.

Либо у этих вещей сменилось множество хозяев, либо один и тот же владелец успел родиться в

знатной семье, постричься в монахи и пройти через горнило войны. Поразительно насыщенная жизнь...

Гу Цянь невольно вспомнил слова призрачного стража: Цзи Лююнь — обладатель несметных заслуг. Дни и ночи, проведённые в молитвах за всё живое, — безусловная заслуга; но и гибель врагов под ударами меча ради защиты родных земель — заслуга не меньшая.

Кем же был Цзи Лююнь на самом деле?

Мысли юноши путались. Он невольно перевёл взгляд на Глупого пса. Тот весело болтал с Чэнь Сы, но, словно почувствовав на затылке невидимую антенну, тут же обернулся и расплылся в простодушной улыбке. Ему и этого показалось мало: он поспешно снял с себя куртку и набросил её Гу Цяню на плечи.

Пока он хлопотал, рядом продолжали мелькать призрачные проекции из прошлого, но он не удостоил их даже беглым взглядом. Практик Инь велел ему смотреть.

— Тебе это знакомо?

Цзи Лююнь послушно вытаращился на мерцающие тени, долго вглядывался в них, а потом виновато пробормотал:

— Вообще ничего не помню.

— Этим вещицам уже больше двух тысяч лет, — с усмешкой заметил Чэнь Буцы. — А твоему парню всего-то четыреста.

Гу Цянь на мгновение замешкался, не зная, к чему придраться в первую очередь: к «всего лишь четыреста» или к «твоему». В итоге он спросил:

— Дядя Чэнь, а можно как-то узнать прошлое этого... призрака? Не используя Камень пробуждения духа.

— Малыш Гу, ну ты же сам всё понимаешь, — старик убрал прибор и достал пустую трубку, сунув её в рот. — Я бы советовал иногда просто смириться с судьбой.

Когда Гу Цянь уточнил, что он имеет в виду, мастер парировал:

— Ты же сегодня привёл его «мозги проверить»?

Юноша поперхнулся, вспомнив недавние выходки Златовласки.

— В него бес вселился.

Это была шутка, но Чэнь Буцы вдруг посерьёзней и принялся внимательно разглядывать Цзи Лююня.

— Сделай так: надави ему одновременно на точки Байхуэй, Цяньдин и Хоудин. Двумя руками сразу.

Лицо старика было предельно строгим, а тон — донельзя торжественным, будто это действие должно было открыть какую-то великую тайну. Гу Цянь послушался. Чтобы дотянуться до макушки призрака, ему пришлось высоко поднять руки; его пальцы утонули в копне мягких золотистых волос.

Почувствовав прикосновение мягких подушечек пальцев к голове, Цзи Лююнь блаженно зажмурился. Приятное покалывание разлилось по телу, и его духовная сила, выйдя из-под контроля, начала разлетаться вокруг маленькими светящимися пузырьками. Глупый пёс не сдержался и издал тихий, довольный стон.

Прошло несколько минут, но дядя Чэнь молчал. Гу Цянь обернулся:

— Так правильно?

— Да-да, именно так, — Чэнь Буцы вовсю снимал их на видео. — Какая же любящая парочка!

Чэнь Сы в это время увлечённо делал снимки один за другим.

— ...Дядя Чэнь.

— Одержимый призрак? Никогда о таком не слышал, — мастер с довольным видом убрал телефон. — Похоже, это тебе самому не по себе.

Гу Цянь просто хотел узнать хоть что-то о прошлом своего подопечного. Понять, почему тот вечно ведёт себя как несмышлёныш. Понять, что будет, если к нему вернётся память... Но говорить об этом прямо он не хотел.

Юноша криво усмехнулся и снова позвал старика. Этот человек, который вечно паясничал и вёл себя несерьёзно, на самом деле обладал на редкость проницательным умом. Даже за своими шутками он всегда чётко видел границы дозволенного. Мастер разгадал мысли собеседника, но не стал выставлять их на всеобщее обозрение.

— Ладно, ладно, — Чэнь Буцы махнул рукой. — Мои старые кости уже устали стоять. Пошли, малыш Гу, составишь мне компанию за чашкой чая?

Это означало, что о Цзи Лююне будет отдельный разговор. Мудрые старцы всегда оставляют молодым возможность сохранить лицо в важных делах.

Гу Цянь не стал отказываться, но стоило ему сделать шаг, как Златовласка вцепился ему в рукав.

— Отпусти.

— Я... — Цзи Лююнь не желал отходить от него ни на сантиметр. — Ты только возвращайся поскорее.

— Идём, — Чэнь Сы поманил его рукой. — Я научу тебя кое-чему полезному.

Глупый пёс нехотя разжал пальцы. Только тогда Гу Цянь последовал за стариком во внутренние покои.

Обстановка здесь была простой: стол из грушевого дерева, два книжных стеллажа, где фигурки персонажей и игрушки мирно соседствовали с томами «Хроник Инь и Ян». Всё стояло довольно тесно.

Юноша был знаком с дядей Чэнем много лет, поэтому отбросил лишние церемонии и спросил прямо:

— Дядя, как так вышло? Ему четыреста лет, а при нём — вещи, которым несколько тысячелетий.

Чэнь Буцы ответил ещё лаконичнее:

— Он — нечеловек.

— ...Я знаю, что он призрак, он... — Гу Цянь запнулся. — Нечеловек?

Собеседник неспешно налил из термоса молочный чай; жемчужины тапиоки и кусочки таро гулко посыпались в стакан. Он протянул его гостю.

— Малыш Гу, ты нашёл настоящее сокровище.

Гу Цянь поблагодарил, сделал глоток и спросил:

— Но дядя, если он — нечеловек, как он мог стать призраком?

Призраки — это то, что остаётся после смерти людей. Сущности же, рождённые небом и землёй, обычно накапливают духовную силу и становятся духами или демонами. Это два совершенно разных пути.

Старик подул на чай и, сделав внушительный глоток, с удовольствием пояснил:

— В мире нет ничего абсолютного. У всего сущего свои дороги: человек может стать небожителем, так почему бы духу не стать человеком? — Он зачерпнул ложкой порцию тапиоки и принялся жевать. — Твой приятель ведь обладает несметными заслугами. Возможно, благодаря какому-то счастливому случаю он обрёл человеческое тело, но прожил недолго. Умер — и превратился в призрака.

— ...Он не мой, — поправил Гу Цянь.

— Хорошо, тот, который с тобой, — покладисто исправился старик.

Юноша оставил попытки спорить.

— Дядя, а есть способ вернуть ему память?

— Способ-то есть, но Камень пробуждения духа тебе жалко, — усмехнулся Чэнь Буцы. — Остальное — это его тело, останки или прах. У любого призрака должно быть что-то из этого. Найди их — и узнать о его жизни и смерти будет проще простого. Мой тебе совет: пока не отдавай те древности в музей. Если найдём его прах, вместе они сработают куда сильнее.

Гу Цянь кивнул. Сказать-то легко, но найти могилу призрака, который сам ничего не помнит, — задача не из лёгких. Он уже нахмурился было, но старик вдруг сменил тему:

— Кстати, малыш Гу, весело тебе с ним живётся, а? — Он даже театрально прижал руку к груди. — Ох, у меня от его недавнего признания аж сердце защемило.

Юноша невольно улыбнулся, глядя на это представление.

— Дядя, почему вы так уверены, что он — нечеловек?

Чэнь Буцы сделал характерный жест, будто что-то подсчитывал на пальцах.

— Старик умеет гадать.

Искусство предсказания — база для мастера единения и гармонии. И хотя за годы хаоса многие древние знания были утрачены, а мастерство гадания пришло в упадок, сомневаться в силе дяди Чэня не приходилось.

— Вы знаете, кто он?

— Я ещё пожить хочу, так что не проси меня разглашать тайны небес, — не стал юлить собеседник. — Могу лишь подтвердить: человеком он никогда не был.

Гу Цянь задумчиво отпил чая. В голове был полный сумбур.

«Если Глупый пёс и впрямь нечеловек, тогда всё встаёт на свои места» — пробормотал он.

Его поведение, его восприятие мира... Он просто не человек.

— Вот именно, — в глазах старика мелькнула тень воспоминаний. — Все они такие: упрямые, преданные, одержимые. Вечно от них одна головная боль. Порой их верность даже пугает.

Гу Цянь, привыкший иметь дело с призраками, редко встречал духов природы.

— Дядя, вы ведь наверняка видели многих?

Старик перестал улыбаться.

— Самое тяжёлое в моей работе — это убеждать таких существ отпустить свою любовь. Их преданность не знает границ. Неважно, зверь это, птица, цветок или камень — если в них пробудился разум и зародилось чувство, они становятся упрямы до безумия. Они выбирают того, кто был к ним добр, и больше никого не признают. Выбрав раз, они отдают за этот выбор всю жизнь. Но, увы, такую преданность редко ценят. Финал обычно печален.

— Довериться не тому человеку... — вздохнул Чэнь Буцы. — За каждым штрихом этих иероглифов стоят кровь и слёзы. Сколько влюблённых демонов заплатили за это жизнями.

Гу Цянь крепче сжал стакан. Старик выразился более чем мягко. Юноша и сам кое-что знал о таких сущностях. Их чувства не вписываются в человеческую логику, их преданность непостижима. Они не смыслят в интригах и привыкли доказывать искренность ценой собственной жизни. Уж если что втемяшится в голову — не отступят. Как та трава из легенд, что всю жизнь выплакивала слёзы в благодарность за капли росы.

Он вспомнил их первую встречу, когда Цзи Лююнь с порога заявил о своей любви. Вспомнил, как сам сотни раз грозился убить его ради лекарства, а тот лишь радостно улыбался в ответ: «Убивай, если нужно». И даже сегодня — этот идиот был уверен, что идёт на смерть, но перед

выходом всё равно подогрел для него грушевый отвар.

«Невероятная глупость. Невыносимая чушь»

— Подумай сам, если бы он встретил не тебя, а кого-то другого... Кто знает, что бы с ним сейчас было.

Гу Цянь инстинктивно отогнал эту мысль. Ему было противно даже представлять, как Глупый пёс ластится к кому-то другому, поднося свою неуклюжую, но искреннюю преданность какому-нибудь мерзавцу.

«Но кто здесь мерзавец? — подумал он. — Я ведь и сам собирался пустить его на ингредиенты. Разве я лучше других?»

Юноша сжал стакан так, что побелели костяшки. Чэнь Буцы, заметив его состояние, понял, о чём тот задумался. Он лишь хотел сказать, что всё должно идти своим чередом: если две жизни столкнулись, им суждено пройти какой-то путь вместе — длинный или короткий, решать только им.

Старик решил разрядить обстановку:

— Судя по всему, он любит тебя до беспамьятства. Да и ты ему потакаешь, иначе разве позволил бы ему так распинаться перед дверью?

При воспоминании о позорном видео и фото, тревога Гу Цяня и впрямь немного поутихла.

— Давайте просто... забудем об этом, — взмолился он.

Чэнь Буцы расхохотался и перевёл разговор на другую тему. Он настоял, чтобы гости остались на ужин, и отпустил их только к вечеру.

Когда Гу Цянь бросил короткое «домой», призрак едва не взлетел от радости. Он торжественно попрощался с Чэнь Сы:

— Не волнуйся, я буду очень стараться.

Гу Цянь уже устроился на заднем сиденье скутера. Когда Глупый пёс подошёл, он спросил:

— Чему ты там собрался учиться?

Тот гордо выпрямился:

— Это мой маленький секрет!

Он улыбался так беззаботно, что у юноши что-то болезненно кольнуло в груди.

— Поехали.

— Ладно!

Глупый пёс снова превратился в того жизнерадостного призрака. Он комментировал всё, что видел по пути, и его слова, согретые тёплым летним ветром, звучали мягко и ласково. Гу Цянь молча слушал его болтовню, слегка придерживаясь за край его рюкзака. Тени от заходящего солнца длинными полосами ложились на знакомую дорогу.

Возле самого переулка на дереве заспорили два воробья, и Цзи Лююнь тут же позвал Гу Цяня понаблюдать за «битвой». И вот они оба, задрав головы, замороженно следили за этой нелепой сценой в лучах угасающего дня.

Юноша не выдержал и посмотрел на спутника. Закат позолотил его лицо, подчёркивая мягкий профиль; длинные ресницы подрагивали, а улыбка была совсем детской. Гу Цянь вдруг осознал, что Златовласка на самом деле очень красив. Настолько, что даже этот закат казался рядом с ним блеклым.

Поддавшись внезапному порыву, юноша спросил:

— Я тебе нравлюсь?

— Нравлюсь, — не задумываясь, ответил Цзи Лююнь.

— Глупый пёс, почему ты так... — Гу Цянь запнулся, слова «нравишься» или «любишь» никак не шли с языка. — Почему ты так добр ко мне? Я ведь ничего для тебя не сделал.

— А разве я должен быть добр к тебе только потому, что ты добр ко мне? — Цзи Лююнь посмотрел на него, склонив голову набок. В его глазах читалось искреннее недоумение.

— Это неправильно, — Гу Цянь сжал кулаки. — Ты... ты хоть учишься чувствам как-то нормально. Нельзя же вот так сразу влюбляться до смерти. Ты... ты просто больной.

— Любовь? — призрак всерьёз задумался, а потом принялся загибать пальцы. — Но я ведь всему учусь у тебя. Ты со мной ласков — и я учусь быть ласковым. Ты дал мне дом — и я учусь заботиться о тебе. Ты терпишь мои выходки — значит, я должен ещё сильнее стараться для тебя... Я просто возвращаю тебе то, чему ты сам меня научил. Если это любовь, значит, я тебя люблю.

Он произнёс это так просто и естественно, будто эта истина была очевидна. Цзи Лююнь любил Гу Цянь не за что-то — это была любовь одной живой души к другой, лишённая всяких условностей. Он ничего не понимал в правилах этого мира, но был готов поставить на кон свою жизнь, и от этой искренности становилось не по себе.

— Гу Цянь, почему ты вдруг спросил? — встревожился Златовласка, видя, что хозяин молчит.
— Я что-то сделал не так?

Он подался вперёд, но юноша отвернулся.

— Смотри на своих воробьёв и не приставай ко мне.

Конец лета. Муссон готовился покинуть эти края. Он начал свой путь от самого жаркого лавового озера планеты, вобрав в себя жар и ликование магмы, пронёсся над материками и островами, чтобы безоглядно устремиться к ледяным морям севера. И даже если вся его поэзия и обжигающие поцелуи остынут в тех краях, в следующем году он проделает этот путь снова. Он будет любить это ледяное море до тех пор, пока эта планета не исчезнет.

Этот ветер был невыносим: он не знал страха, не ведал отступления, а порой замирал на месте, дурманя голову своим жаром.

Раньше Гу Цянь мог только догадываться, но теперь он ясно видел чувства Цзи Лююня. Стоило лишь протянуть руку — и эта любовь была здесь, вся, без остатка. Она была слишком тяжёлой, слишком упрямой, как сорняк, тянущийся к солнцу.

«Просто беда» — подумал он.

Когда Гу Цянь вышел из душа, глаза всё ещё болели. Цзи Лююнь тут же подал ему тёплое полотенце, и через некоторое время боль понемногу отступила. С момента их встречи прошло почти три месяца — снадобья Лао Цяо и его собственная духовная сила уже с трудом сдерживали пробуждающуюся внутри энергию демона.

Глупый пёс уже установил то двухместное массажное кресло и торжественно пригласил юношу на испытания.

— Тебе может быть немного страшно, — снова завёл он свою волынку. — Хочешь, я тебя подержу?

— Нет.

Отказ его не смутил.

— Тогда, может, ты меня поддержишь?

— Заткнись.

Гу Цянь открыл книгу и откинулся на спинку кресла. Златовласка тут же пристроился рядом.

— Гу Цянь, Гу Цянь, я только что принял душ!

Юноша криво усмехнулся.

— И что, мне тебя похвалить?

— Нет, — Цзи Лююнь забавно мотнул головой. — Просто тебе наверняка интересно, чем мои волосы сейчас отличаются от тех, что были днём.

Этот идиот, похоже, вошёл во вкус после тех поглаживаний по голове. Какая неумелая хитрость. Гу Цянь покосился на него, промолчал и демонстративно уткнулся в книгу. Краем глаза он видел, как золотистая макушка медленно, сантиметр за сантиметром, приближается к его руке. Наконец волосы коснулись его ладони.

— Не смей ложиться мне на колени, — юноша убрал руку.

Глупый пёс понял его по-своему: он подложил под голову подушку и, лёжа у ног хозяина, устался на него снизу вверх, глупо улыбаясь. Его глаза сияли такой надеждой, что Гу Цянь, выдержав всего пару секунд, отвёл взгляд и всё же положил руку ему на голову.

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гудением кресла и редким довольным сопением призрака. Кресло полностью оправдывало свою цену — вскоре Гу Цянь незаметно для себя уснул.

Цзи Лююнь на руках перенёс его в постель, бережно укрыл одеялом и долго сидел рядом на своей табуреточке, не сводя с него глаз. Решив, что пора закрепить знания, он достал телефон и включил обучающее видео от Чэнь Сы. Забыв выключить звук, он едва не подпрыгнул от внезапного шума и чуть не выронил телефон. Замерев на несколько секунд, он убедился, что Гу Цянь не проснулся, и только тогда продолжил просмотр в полной тишине.

На экране во всех подробностях показывали, как правильно целоваться; Глупый пёс смотрел, и лицо его заливал густой румянец. Почувствовав, что теория усвоена, он решительно выключил телефон. Некоторое время он просто смотрел на юношу, борясь с собой, но в конце концов решился.

Нервно покусывая губы, он собрал всё своё мужество и протянул... кончик пальца. Этот палец, слегка подрагивая, проделал невероятно длинный путь и едва коснулся губ Гу Цяня. В ту же секунду Цзи Лююнь отдернул руку. Сердце колотилось так, что сидеть на месте стало невозможно; прижимая ладони к пылающим щекам, он на цыпочках выскользнул из комнаты.

В темноте Гу Цянь открыл глаза.

Он проснулся ещё от того первого звука и уже приготовил план мести на случай, если Златовласка решит разгуляться. Кто же знал, что у четырёхсотлетнего призрака храбрости — кот заплакал.

— Слабак.

Гу Цянь хмыкнул, перевернулся на другой бок и снова заснул.

Когда Сяо Су позвонил Цзи Лююню, Гу Цянь ушёл на прогулку. Последние пару дней он всё никак не мог решить, как ему теперь вести себя с Глупым псом, поэтому старался не брать его с собой. Люй Су жаловался, что в больнице тоска смертная: он хотел на волю, хотел общения — хоть с людьми, хоть с призраками.

Цзи Лююнь тут же подкинул идею:

— Приходи в переулок Уван.

— Врачи не разрешают мне уходить.

— Тогда отпросись, — посоветовал Цзи Лююнь.

— И что мне им сказать? — рискнул уточнить Люй Су.

— Скажи, что тебе нехорошо и ты хочешь проветриться, — не моргнув глазом, ответил Златовласка.

Глупый пёс и сам хандрил из-за того, что Гу Цянь его игнорирует, и рассудил так: хозяину нравится этот мальчишка, если тот будет ждать его дома, Гу Цянь наверняка обрадуется.

Эти двое, сойдясь вместе, превратились в автоматическую машину по разрушению дома. Люй Су, не подозревая о почтенном четырёхсотлетнем возрасте Цзи Лююня, предложил поиграть в шарики — мол, в твоё время наверняка все в них играли. Поскольку ни у того, ни у другого

настоящих шариков не было, Цзи Лююнь решил скатывать их прямо из своей духовной силы.

В какой-то момент он не рассчитал силу. Шар из духовной силы принялся носиться по двору, вдребезги разнёс окно на кухне и пробил огромную дыру в садовой стене.

— Всё, мне крышка, — Цзи Лююнь в ужасе вцепился в волосы, не понимая, как обычный призрак может натворить столько бед.

Когда Гу Цянь вернулся с прогулки, он обнаружил, что кусок стены просто исчез. Он отбросил ногой обломок кирпича и, нахмурившись, спросил:

— Как это вышло?

Цзи Лююнь, пряча глаза, кротко посоветовал:

— Не ищи себе лишних забот.

<http://bllate.org/book/15848/1437645>